

**СПЕЦИФИКА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ
И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ**
Specificity of theoretical knowledge and its historical forms

Е. И. Шатрова, аспирант

С. Н. Некрасов доктор философских наук, профессор

Л. И. Дроздова доктор ветеринарных наук, профессор

Уральский государственный аграрный университет

(Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42)

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью теоретического знания в условиях современной технологической и информационной революции, что требует глубокого осмысления его природы и исторической эволюции. Цель статьи – выявить и проанализировать сущностные характеристики теоретического познания и проследить его основные исторические формы от античности до современности. Методологической основой работы выступают историко-философский и диалектический методы, позволяющие рассмотреть генезис и развитие теоретического познания в его целостности и противоречивости. Результаты исследования заключаются в систематизации ключевых атрибутов теоретического познания (абстрактность, системность, рефлексивность) и выделении трех основных исторических моделей: античной (умозрительной), классической (научно-рациональной) и неклассической (релятивистско-контекстуальной).

Ключевые слова: теоретическое познание, исторические формы науки, абстракция, научная рациональность, философия науки, античная наука, классическая наука, неклассическая наука.

Summary

The relevance of the study is determined by the growing role of theoretical knowledge in the context of the modern technological and information revolution, which requires a deep understanding of its nature and historical evolution. The purpose of the article is to identify and analyze the essential characteristics of theoretical knowledge and trace its main historical forms from antiquity to the present day. The methodological basis of the work is the historical-philosophical and dialectical methods, which allow us to consider the genesis and development of theoretical knowledge in its integrity and contradictions. The results of the study consist in the systematization of key attributes of theoretical knowledge (abstractness, systematicity, reflexivity) and the identification of three main historical models: ancient (speculative), classical (scientific-rational) and non-classical (relativistic-contextual).

Keywords: theoretical knowledge, historical forms of science, abstraction, scientific rationality, philosophy of science, ancient science, classical science, non-classical science.

Теоретическое познание представляет собой высшую форму организации научного знания, направленную на постижение сущностных связей и закономерностей действительности. В отличие от эмпирического познания, которое фиксирует внешние, наблюдаемые свойства объектов, теоретический уровень имеет дело с идеализированными объектами, законами и концептуальными системами, не сводимыми непосредственно к опыту [1, с. 45]. Специфика теоретического познания определяется рядом ключевых характеристик: абстрактностью (отвле-

чение от несущественных свойств), системностью (организованность знаний в логически связанную структуру), рефлексивностью (направленность на анализ собственных оснований и методов) и опосредованностью (доступ к реальности через систему понятий и моделей).

Историческое развитие теоретического познания не было линейным; оно прошло через несколько качественно различных этапов, каждый из которых характеризовался своей парадигмой рациональности.

Античная форма теоретического познания сформировалась в Древней Греции и была воплощена в философии Платона и Аристотеля, а также в математических системах Евклида и Архимеда. Для этой формы была характерна умозрительность и онтологизм. Теория (от греч. *theoria* – созерцание) понималась как постижение неизменной и вечной сущности бытия, скрытой за миром изменчивых явлений. Идеальным образцом теоретического знания выступала геометрия, которая из ограниченного набора аксиом выводила всю систему положений. Античный теоретик стремился не к практическому преобразованию мира, а к интеллектуальному приобщению к космическому порядку и гармонии. Как отмечают исследователи, «античная наука была наукой о порядке, а не о законах в новоевропейском понимании» [2, с. 112]. Разум выступал здесь не столько как инструмент анализа, сколько как орган причастности к высшему разуму космоса.

Становление классической формы теоретического познания связано с научной революцией XVI–XVII веков (труды Галилея, Ньютона, Декарта). Классическая теория утратила умозрительный характер и стала инструментом объяснения и предсказания эмпирических явлений. Ее квинтэссенцией стал гипотетико-дедуктивный метод: из общих принципов и законов (например, законов механики Ньютона) дедуктивно выводятся следствия, которые затем проверяются в эксперименте. Ключевыми чертами этой формы стали: объективность (исключение субъекта из картины знания), детерминизм (вера в однозначную причинно-следственную связь), редукционизм (сведение сложного к простому) и математизация природы. Идеалом науки стала механика, а мир рассматривался как гигантский часовой механизм. Теоретическое познание в эту эпоху обрело строгий методологический фундамент и доказало свою эффективность в практическом преобразовании действительности [3, с. 78].

Важным следствием становления классической теории стало институциональное оформление науки. В XVII веке возникают первые научные общества (Лондонское королевское общество, Парижская академия наук), которые начинают выполнять функции регуляторов научного дискурса, проверки знаний и формирования научного этоса. Теоретическое познание перестает быть делом одиночек-мыслителей и становится коллективной, социально организованной деятельностью со своими стандартами доказательности, протоколами экспериментов и системой публикаций. Это способствовало выработке единых критериев научности, таких как воспроизводимость результатов и критический диалог между учеными.

Кроме того, в рамках классической парадигмы произошло эпистемологическое размежевание науки с философией и теологией. Если в античности и средние века научное знание было вплетено в общее мировоззренческое полотно, то теперь оно заявило о своей автономии. Познание, основанное на эксперименте и математическом описании, противопоставлялось умозрительным спекуляциям. Это разделение закрепило за теоретическим познанием в его классическом понимании особую сферу – исследование объективных, прежде всего физических, законов природы, не зависящих от ценностных представлений исследователя.

Кризис классической рациональности на рубеже XIX–XX веков (открытия в физике – теория относительности, квантовая механика) привел к формированию неклассической формы теоретического познания. Неклассическая теория отказалась от абсолютной объективности и

признала фундаментальную роль наблюдателя и используемых средств наблюдения. В квантовой механике, например, сам акт измерения влияет на состояние объекта. Это привело к утверждению релятивизма, вероятностного подхода и системности. Теоретическое познание стало пониматься не как отражение готовой реальности, а как построение моделей, адекватность которых относительна и зависит от условий и контекста. На первый план вышли такие понятия, как парадигма (Т. Кун) и исследовательская программа (И. Лакатос), подчеркивающие социально-историческую и ценностную обусловленность научного знания [4, с. 25].

Важнейшим аспектом неклассической рациональности стало осознание роли языка и понятийного аппарата в конструировании теоретической реальности. Если классическая наука полагала, что ее понятия однозначно отражают свойства объекта, то в неклассический период выяснилось, что сами средства описания – математический формализм, категориальная сетка – активно формируют тот объект, который мы познаем. Это привело к «лингвистическому повороту» в философии науки, когда анализ научных теорий стал неотделим от анализа языка, на котором они формулируются. Теоретическое познание стало интерпретироваться как своеобразный «диалог» между исследователем и природой, где природа «отвечает» не на языке чистых фактов, а в рамках той концептуальной системы, которую ей предлагает ученый [5, с. 52].

Еще одной характерной чертой, получившей развитие в неклассический и особенно в постнеклассический период, является методологический плюрализм. Отказ от единого универсального метода, подобного дедукции или индукции классической эпохи, привел к пониманию, что сложные объекты требуют комплексных и зачастую взаимодополняющих подходов. Системный подход, синергетика, компьютерное моделирование – все это разнообразные инструменты теоретического познания, выбор которых зависит от специфики исследуемой проблемы. Это означает, что современная теория зачастую существует не в виде единственной монолитной конструкции, а в форме сети взаимосвязанных моделей и интерпретаций, каждая из которых высвечивает определенный аспект сложного объекта.

В современную эпоху, которую часто характеризуют как постнеклассическую, теоретическое познание сталкивается с новыми вызовами: необходимостью изучения сверхсложных, саморазвивающихся систем (биосфера, ноосфера, глобальная экономика). Для этого этапа характерны междисциплинарность, интеграция знаний из разных областей и учет ценностных ориентаций самого исследователя. Теория становится не просто описательной или объяснительной, а проективно-деятельностной, нацеленной на синтез знания и определение возможных сценариев развития сложных систем [6, с. 215].

Таким образом, эволюция теоретического познания демонстрирует диалектический путь от созерцания вечных идей к построению объективных законов и далее – к осознанию контекстуальной и деятельностной природы самого теоретического конструкта. Специфика теоретического познания, оставаясь неизменной в своей основе – как движение мысли в поле идеализированных объектов, – радикально меняла свои формы и методологические установки в зависимости от культурно-исторического контекста. Понимание этой исторической динамики является ключевым для адекватной оценки места и роли теории в современной науке и обществе.

Однако эта историческая динамика должна быть привязана к ее «земной основе» – к развитию общества, понятому с научной классовой позиции марксистской философии. Советский философ-марксист Э.В. Ильенков начинает свою основную философскую работу словами: «Общеизвестно, что мышление, как особая форма отражения объективной реальности в голове человека, осуществляется в форме и с помощью абстракций и что абстрагирование (процесс образования абстракции) представляет собой простейшую «клеточку» логической деятельно-

сти, всеобщий элемент мышления. Это настолько очевидное обстоятельство, что в «абстрактности» часто и видят специфический признак мышления, такую его черту, благодаря которой оно и представляет собой высшую (по сравнению с ощущением, созерцанием и представлением) форму познания.

Но с другой стороны столь же общеизвестно, что философия диалектического материализма усматривает главное достоинство истинного познания в конкретности». Г. В. Плеханов и В. И. Ленин не раз повторяли: «Истина конкретна». На этом основании Э. В. Ильенков заключает, исходя из этого выражения: «Иными словами, если мышление абстрактно, то оно не выражает истины» [7, с. 14]. Иначе говоря, марксистами ставится проблема, которая носит диалектический характер, – наличие прямо противоположных определений о сущности мышления. Такой поворот в понимании теоретического познания возникает, как только ставится вопрос не о формах познания, но о содержании познания, то есть о возможности постижения истины.

Библиографический список

1. *Лешкевич Т. Г.* Философия науки: традиции и новации. М.: ИНФРА-М, 2023. 304 с.
2. *Гайденко П. П.* История греческой философии в ее связи с наукой. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2021. 450 с.
3. *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2022. 744 с.
4. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2020. 320 с.
5. *Огурцов А. П.* Исторические формы научной рациональности // Вопросы философии. 2024. № 5. С. 45-58.
6. *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы, 2023. 450 с.
7. *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. 464 с.